

Лидия Чарская

Таита

Лидия Чарская

Таита

«Public Domain»

1916

Чарская Л. А.

Таита / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1916

В длинной, продолговатой комнате ряды столов, и за ними на жестких скамейках без спинок около трех сотен зеленобелых девушек, одинаково одетых в тугие, крепкие камлотовые платья, напоминающие своим цветом болотных лягушек, и в белых передниках, пелеринках и привязанных рукавчиках, именуемых на институтском языке «манжами». Подается ужин, состоящий из горячего блюда, затем чай с булкой. После ужина – вечерняя молитва...

© Чарская Л. А., 1916

© Public Domain, 1916

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	11
Глава IV	18
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лидия Алексеевна Чарская

Таита

Глава I

- С нами крестная сила! Ветер-то, ветер какой!
- Ну и погодушка!
- Высунься-ка, поди-ка на улицу: так тебя и закружит, так и завертит.
- До святков еще, почитай, два месяца, а стужа какая! Не приведи Бог!
- Нынче с утра выюжит... Как намердны в лавочку бегала, думала с ног метелью собьет.

Едва-едва обратно добежала...

- Тише, девушки, тише! Никак стучит кто-то?
- Как не стучать... Стучит, понятно! Она тебе и стучит, и поет, и свистит на разные голоса.

– Нынче пушки из крепости палили. Сказывают, это значит, вода из Невы выступит к ночи.

- Храни Господи! Тогда пиши пропало: зальет наш подвал.

– В первый этаж переведут, не бойся; будем тогда вроде как барышни-институтки. Знай, мол наших.

– Да тише вы, сороки! Спать пора, а они стрекочут. Небось завтра с петухами вставать, а они спать не дают.

- Стойте, девушки, помолчите! Впрямь, кто-то стучит.

На миг затихли голоса, и комната погрузилась в полное безмолвие.

Впрочем, это не комната даже, а широкий, длинный коридор. Около двадцати узких, убогих, железных кроватей, прикрытых одинаковыми нанковыми серыми «солдатскими», как их называют, одеялами, убегает двумя рядами в темноту. Электрическая лампочка слабо освещает переднюю часть длинной безобразной коридора-комнаты; задняя скрывается во мраке. Только там, в дальнем конце ее, слабо мигает огонек лампад перед божницей. Куцые окна прихотятся в уровень с землей; из них видны лишь ноги проходящих по двору и саду людей.

Это – помещение для женской прислуги Н-ского института. Это ее дортуар, спальня, где она ютится ночью, за исключением лишь тех девушек, которые спят наверху, в спальнях для институток, так называемых дортуарных девушек, счастливиц, миновавших угрюмый подвал.

Здесь, среди подвальной прислуги, есть и старые и молодые. Все они – «казенные» служанки, то есть «не помнящие», а то и вовсе не знающие родства, взятые из воспитательного дома и поступившие сюда в очень молодом возрасте, 16–17 лет. Большая часть их проводит всю свою жизнь в стенах этого казенного здания. Многие из них уже старухи. Несколько десятков лет провели они здесь, убирая классы, дортуары воспитанниц, комнаты начальницы, инспектрисы, классных дам, приемные, подавая обеды и ужины институткам, перемывая чайную и столовую посуду, стирая белье в прачечной, – словом, неся на своих плечах все тяжелые обязанности горничных, прачек, судомоек..

Есть между ними и бельевые и гардеробные девушки, то есть такие, которые шьют белье институткам и перешивают им платья (новые костюмы заказываются на стороне у специальных портних). Эти девушки-швеи с утра до ночи просиживают, согнувшись, над шитьем. Тяжела жизнь таких служанок; за грошовое вознаграждение, полтора-два рубля в месяц, они должны, как пчелы, работать целые дни. Правда, казна одевает их, дает им от себя платье, белье, обувь, все, до последнего куска мыла включительно, но за это как много они трудятся и работают на казну.

Не мудрено поэтому, что мало охотниц с «воли» приходит сюда в институт предлагать свои услуги в качестве горничных, швеек и прачек. Из двух десятков человек всего лишь одна-единственная вольная в Н-ском институте. «Вольную» девушку, по имени Стешу, приехавшую из деревни два года тому назад, здесь не любит никто. Веселая, жизнерадостная певунья, с румяным круглым лицом и искрящимися глазами, Стеша возбуждает всеобщую зависть среди своих сослуживиц. Да и как им не завидовать, когда она, Стеша, свободна как птица, может уйти; отсюда на другое место, в то время, как все остальные должны за хлеб и приют, которыми они пользовались в раннем детстве, отслужить казне, хотя несколько лет, а иные так и остаются служить до седых волос, пока не исчезнут силы и не распахнет перед ними богадельня своих гостеприимных дверей...

Метель все шумит, все поет и визжит за стеной; неистовствует, то грозная, то жалобная, заливающаяся то смехом, то плачем.

Вдруг в эти нестройные, наводящие уныние, звуки врываются другие, совсем особые, нисколько не напоминающие ветер и метель. Громко и явственно раздается у дверей: «Тук-тук-тук»...

– С нами крестная сила! Снаружи это... Что такое?.. В такой неурочный час, Господи...

И самая старшая из служанок, пятидесятилетняя Агафьюшка, за свой властный деспотический нрав прозванная институтками «Марфой Посадницей», тяжело кряхтя, поднимается с постели, на которой она только что принялась растирать свои истерзанные ревматизмом ноги.

– А может, надсмотрщица? – робко произносит молоденькая Акуля, недавно только поступившая сюда.

– Глупая! Какая там надсмотрщица? Нешто надсмотрщица с улицы придет, – накидываются на нее добрый десяток товаров.

– Стало быть депеша, либо письмо, – Говорит хорошенькая Дунечка, беленьким ручкам и ослепительному цвету лица которой завидовала не одна институтка и которую старые седовласые девушки-служанки презрительно называют «Дуней-белоручкой» за умение сохранять среди самой грубой работы свою природную красоту.

Про Дуню-белоручку институтки, любящие часто строить фантастические предположения, говорили, что она – переодетая аристократка, которую злые родственники, желая воспользоваться ожидающим ее богатым наследством, подкинули в воспитательный дом.

– Депеша... Как же... Держи карман шире... Тебе депеша от китайского императора, што ли, с извещением, что он тебя, «белоручку», замуж за себя берет? – насмешливо протянула пожилая, с ехидно поджатыми губами, сорокалетняя девушка, – Капитоша, прислуга инспектрисы, которую прозвали «шпионкой» за ее постоянные доносы начальству на всех и на всякого.

Дунечка вспыхнула; остальные захохотали.

Между тем Агафьюшка открыла дверь спальни и прошла в сени. Черный ход находился тут же, по соседству с подвальным помещением девушек. Сразу потянуло струей холода. Визг выюги и стон ветра ворвались в длинную спальню-коридор. И перед «Марфой Посадницей» выросла в темном просвете дверей закутанная в теплый овчинный полушубок и платок широкая неуклюжая фигура женщины.

Глава II

– Что, Степанида Иванова здесь живет? – настоящим деревенским говором произнесла запоздалая посетительница.

Агафьюшка так вся и затряслась от охватившего ее негодования.

– Да что ты, милая, никак ума лишилась!.. Да нешто можно в казенное место в такую пору являться?.. Да, не приведи Бог, надсмотрщица явится – всех нас под ответ подведешь. Ступай, ступай. Завтра поутру наведайся. Нечего по гостям ходить, на ночь глядя... – затараторила она, легонько подталкивая незнакомку обратно к двери.

– Да я не по гостям, милая. Впусти, Христа ради. Мне Стеше Ивановой передать надоть кой-что, гостинчик из деревни, – взмолилась посетительница.

При слове «гостинчик» немилостивая Агафьюшка смягчилась сразу.

– Ну, входи уж, коли пришла, – снисходительно разрешила она. – Только справляйся скорее. Нету времени с тобой возиться, Надсмотрщица нагрянет, того и гляди.

– Эй, Степанида! Степа! Вставай скорее. К тебе из деревни гостя. Эк разоспалась девушка, и не разбудишь вовсе.

И, говоря это, «Марфа Посадница» будила, бесцеремонно толкая в спину, румяную, полную девушку, успевшую уже заснуть под говор и споры товаров.

Стеша просыпается не сразу. Садится на постели и протирает заспанные глаза.

– Стешенечка. Здравствуй, милая... Как живешь, родимая?.. А я к тебе из деревни, гостинчик привезла, – слышит она знакомый голос у своей кровати.

Большие серые выпуклые глаза Стеши широко раскрываются от изумления; она сразу узнает в толстой, закутанной фигуре свою давнишнюю знакомую и землячку.

– Панкратьевна! Голубушка! Вот нежданно-негаданно Господь принес!

И, соскочив на босу ногу с постели, она бросается обнимать пришедшую.

Электрическая лампочка светит тускло. Фигура и лицо Панкратьевны скрываются в полумраке. Но от взоров находящихся в подвале женщин не может укрыться неестественная полнота запоздалой госты. Как будто она скрывает что-то под овчинным полушубком и теплым платком.

Немного плачущим, певучим голосом Панкратьевна говорит, обращаясь к Стеше, растерянно поглядывая на окруживших ее девушек, старых и молодых:

– Вот, Степанидушка, напасть-то какая: как померла, шесть месяцев тому назад, сестрица твоя Аграфена Ивановна, царствие ей небесное, так мы с ейной дочуркой Глашкой и не знали, что делать. Народ у нас, чай, сама знаешь, бедный... Голодать частенько приходится. В кажинной семье кажинный рот на счету, все есть просят, а тут, накося, чужую девчонку кормить надоть... Ну, прознали мы, что ты, как у Христа за пазухой, в казне на всем готовом живешь, так и решили всем миром девчонку тебе послать. Делай с ней, что знаешь. Корми, пои ее: ты ей родная – теткой приходишься; кровь-то не чужая, – своя. Бери ее себе, Глашку-то, потому некуда ее больше девать.

Тут широкий овчинный полушубок мгновенно распахнулся, и сразу наполовину похудевшая Панкратьевна опустила на пол перед взорами ошеломленных обитательниц подвала маленькую четырехлетнюю девочку с бойкими черными глазками и вздернутым пуговицеобразным носиком.

– Ах! – дружно, не то испуганно, не то изумленно воскликнули все.

Маленькая девочка среди казенного дортуара для институтских прислуг! Это, действительно, было что-то из ряда вон выходящее.

А сама виновница переполоха забавно таращила свои черные глазенки и без тени смущения и страха, засунув палец в рот, разглядывала тесно обступивших ее людей.

Несколько секунд длилось молчание. Все были несказанно поражены сюрпризом.

«Марфа Посадница» тяжело отдувалась, посапывая носом. Ехидная Капитоша тонко улыбалась, заранее радуясь поводу к новому доносу и неминуемому за ним скандалу. Глупенькая Акуля смотрела на малютку широко раскрытыми глазами, улыбаясь во весь рот. Хорошенькая Дунечка брезгливо сжимала губы.

Горько плакала Стеша шесть месяцев тому назад над письмом, пришедшим из деревни. То было печальное письмо. Оно извещало девушку о смерти ее старшей сестры-вдовы, оставившей единственную малютку-дочку. И тогда же Стеша написала просьбу в деревню добрым людям приютить, пока что, ее маленькую племянницу. Письмо не дошло, или не представилась возможность исполнить ее просьбу, но малютка Глаша появилась вдруг в институте.

Стеша, растерянная, ошеломленная неожиданностью, раздавленная никак непредвиденным обстоятельством, с белым, как ее ночная кофта, лицом и с трясущимися губами вдруг неожиданно опустилась на пол перед Глашей, обхватила девочку руками и завывала на всю девичью.

– Батюшки мои!.. Светы мои!.. Отец Никола Чудотворец!.. Ангелы-Архангелы!.. Сфранфимы-Херувимы!.. Матушка Владычица, Царица Небесная!.. Зарезали меня, без ножа зарезали!.. Куды я денусь теперь с девчонкой, куды я голову с ней приклоню?.. Убили вы меня, убивцы вы безжалостные... Просила я девчонку у себя подержать, – нет, таки прислали горемычную сиротинку сюды... Ну что мне делать с нею сейчас?..

Тут к причитаниям и истеричному вою Стеши неожиданно присоединился плач маленькой Глашки.

– А... – взвизгнула девочка. – Ма-ам-ка, боюсь... Те-те-нька, – заревела она благим матом и забилась в руках Стеши.

Все присутствующие бросились к плачущим. Кто успокаивал испуганного ребенка, кто уговаривал убитую горем Стешу.

– Нечего, нечего тебе разливаться слезами, девушка, – ехидно поджимая губы, зашептала Капитоша: – Ведь ты не наша сестра казенная: хоть сейчас отсюда уйти можешь, да место на стороне сыскать. Кто тебя привязал к казне-то.

– Да кто меня с ребенком-то на место возьмет, – взвизгнула сквозь рыдания Стеша, еще больше пугая и так безудержно ревущую девочку. Глаша залилась слезами пуще прежнего.

– Нет, что хочешь делай, Панкратьевна, а Глашку возьми, – спустя минуту решительно заявила Стеша. – Нельзя Глашке в казенном месте быть. Разве можно это? Узнает начальница – сейчас же меня откажет. Возьми: ты ее, Панкратьевна, возьми.

– Что ты? Что ты? Куда я с ней денусь, – в ответ заговорила Панкратьевна. – Ты уж сама как-нибудь устроишься.

– Да, ты, Панкратьевна, хоть на время ее возьми. Да я, Господи Ты Боже мой, все свое жалованье на нее отдавать буду, без чая-сахара просижу, только возьми ты к себе, Христа ради, девочку, слышь, Панкратьевна? А? Хоть на время возьми...

Тут Стеша быстро отерла слезы, посмотрела заплаканными глазами в ту сторону, где стояла Панкратьевна, и с легким криком испуга отступила назад.

Там, где находилась за минуту до этого явившаяся к ней землячка, сейчас не было никого. Панкратьевна словно провалилась сквозь землю. Ее нигде не оказалось. Очевидно, пользуясь общей суматохой, женщина исчезла из подвала так тихо и быстро, что никто сразу и не заметил ее исчезновения.

Не успели еще и сама Стеша и остальные девушки придти в себя от изумления, как неожиданно в девичью пулей влетела молодая гардеробная Маша и, испуганно шикая, бросила товаркам:

– Тише, девушки, надсмотрщица идет.

– Господи, этого еще не доставало, – шепотом вырвалось у Стеши.

– Девчонку-то спрячь! Спрячь девчонку куда-нибудь, Христа ради, не то крику будет не обернуться... Со свету нас сживет всех... – засуетились и заметались девушки, старые и молодые, с искренним страхом поглядывая на дверь.

– Глашенька, нишкни, не то тетеньку твою загубишь. Выгонят тетеньку отсюда. Перестань плакать, Глашенька... На сахарцу кусочек, – уговаривала, вся дрожа от волнения, обнимая и целуя мокрое личико Глаши, ее молодая, обезумевшая от страха, тетка.

– Перестань плакать, Глашенька, и я сахарцу дам, – зашептала на ушко малютке подоспевшая Марфа Посадница.

Магическое слово «сахар» сразу возымело свое действие, а извлеченный из глубины чьего-то кармана завалявшийся кусок его дополнил впечатление. Неистовый плач Глаши оборвался сразу; она позволила подхватить себя на руки, быстро сдернуть с нее неуклюжую ватную кацавейку, головной платок, валенки и уложить на кровать в дальнем углу подвала.

Все это было закончено всего в десять-пятнадцать секунд, и когда надсмотрщица над девушками-служанками, она же и бельева дама, худенькая, маленькая, очень крикливая и придирчивая особа лет пятидесяти, появилась в подвальном дортуаре, – ничего подозрительного или выходящего из рамок повседневности не представилось ее чрезмерно внимательным взорам.

Стеша, улегшаяся вместе с племянницей в кровать, сумела так искусно прикрыть головку девочки, что строгая Дарья Семеновна, «Пиявка», как прозвали надсмотрщицу, не заметила ни малейшего нарушения порядка.

Когда, сделав обычный ночной обход подвального помещения, Пиявка исчезла, Стеша первая вскочила с постели, пробежала пространство, отделяющее ее кровать от кровати Марфы Посадницы, и, рухнув перед ней на колени, залепетала, ломая руки и рыдая навзрыд:

– Агафья Миколаевна, заступитесь!.. Спасите!.. На вас вся надежда... Не погубите меня... Ради Господа Бога не откройте то начальству, что мне ребенка подкинули... Ведь выгонят меня отсюда... Со свету сживут... Хоть до воскресенья-то, два денечка бы продержат здесь Глашку... А там я со двора отпрошусь, у знакомых ее где-либо пристрою пока что... Заступитесь вы только. Не дайте в обиду. А главное, Капитолину Афанасьевну попросите, чтобы она инспектрисе не донесла... Вы все можете. Вас все послушают... Уважают они вас.

Что-то надорванное, поистине горькое и страдальческое было в голосе и рыданиях Стеши. И это надорванное и горькое непосредственно дошло до сердца «Марфы Посадницы», далеко не черствого от природы.

Жаль ли стало Агафьюшке девушку или захотелось ей подчеркнуть лишний раз свое значение у начальства, свою власть над окружающими, но в тот же миг она поднялась с постели, высокая, полная, представительная, с седыми косицами волос, отброшенными за плечи, и заговорила, обращаясь к успевшим уже улечься по постелям девушкам:

– И то правда, милые, грех девчонку на улицу выкидывать. Пушай остается, пока что, покуда ей Степанида угла не найдет у добрых людей. А мы, коли крест на вороту у нас есть, должны покрыть Стешу и в тайности держать девочку, чтобы, упаси Бог, начальство не увидало... Капитоша, это к тебе относится. Воздержись малость, язык за зубами попридержи. Ведь нафискалишь своей барышне – со свету сживет она Стешу, а Стешу сживет – девчонке несдобровать, потому одна у нее тетка кормилица, с голоду без нее помрет девчонка... Впрочем и недолго нам скрытничать-то: в воскресенье пойдет со двора Стеша и уведет девчонку. Только два дня всего. А, Капитоша, помолчишь что ли? Можно понадеяться на тебя? – мягким, несвойственным ей голосом бросила товарке Агафьюшка.

Тонкие губы «шпионки» ехидно сжались. Лицемерно поднялись к небу бесцветные глаза.

– Бог знает что! Срамите меня зря только, Агафья Николаевна. Да видано ли и слыхано ли, чтобы я когда на своих доносила... – обиженно затянула она.

– Ну, положим, и видано и слыхано, – ответила Агафья, – сплетни сводить ты куда как прытка, матушка. А только теперь, ежели пикнешь, так и знай, со свету тебя сживу. Небось сама знаешь, как ее превосходительство генеральша-начальница меня отличает за примерную службу. Так ты мозгами-то и раскинь: выгодно ли али невыгодно тебе со мной ссориться, милая, – уже совсем иным тоном заключила она.

И величавая «Посадница», как ни в чем не бывало, стала укладываться в свою постель.

Прошла к себе, в свой угол и Стеша, несколько успокоенная словами Агафьюшки и, осторожно раздевшись, тихонько улеглась на постель подле малютки-племянницы.

Глаша уже спала. Золотые сны витали вокруг ее вихрастой белобрысой головки. Алый ротик причмокивал и улыбался во сне.

– Спи, дитятко, спи, болезная, спи, сиротка моя, – произнесла шепотом девушка и нежно коснулась сонного личика губами.

Но заснуть Стеша долго не могла в эту ночь. Горькие думы наполняли ее голову. Как снег на голову, свалились на нее новые заботы, новые неприятности, и бедная девушка напрягала все свои мысли, чтобы найти выход из того тяжелого положения, в которое поставила ее неумолимая судьба.

Глава III

Понедельник. Вечер. В старшем, выпускном классе идет усиленная зубрежка. В последнем классе института царит целый ряд новых забот. Выпускное отделение, это – первое преддверие к жизни. На выпускных институток смотрят уже как на взрослых девушек. И не мудрено: через какие-нибудь семь месяцев они, эти юные девушки, сейчас еще усердно углубляющиеся в историю литературы, катехизис, физику, отечествоведение, геометрию, историю и прочее и прочее, выпорхнут на свободу.

И все-таки некоторые «синявки», классные дамы, не хотят считаться со «взрослыми» барышнями, и продолжают считать их за детей.

Так поступает, по крайней мере, «Скифка», или Августа Христиановна Брунс, немецкая дама.

Лет пятнадцать тому назад приехала она из далекой своей Саксонии в богатую Россию, приехала уже девицей в летах, отчаявшейся выйти замуж, приехала единственно ради заработка и в надежде добиться спокойного угла под старость. Детей она никогда не любила, почти никогда не видела их вблизи, но зато, как «Отче наш», твердо запомнила те несложные требования, которые предъявлял институт к своим классным дамам-педагогичкам: следить за девочками денно и ночью, всячески подавлять в них проявления воли, сделать из них вполне благовоспитанных барышень, покорных и безответных, как стадо овец, – а для этого муштровать, муштровать и муштровать их с утра до ночи и с ночи до утра, если это возможно.

– Балкашина! – неожиданно вскрикивает и стучит по кафедре ключом от своей комнаты, с которым она не расстанется, пока дежурит в классе. – Балкашина, ты, кажется, читаешь, вместо приготовления уроков? Was liest du da? Komm her!¹

С ближайшей скамейки поднимается девушка лет семнадцати, миниатюрная, худенькая, с прозрачно-бледным лицом. Подруги называют ее «Валерьянкой» отчасти потому, что настоящее ее имя Валерия, отчасти потому, что у Вали есть несчастная слабость беспрестанно лечить себя и других.

Балкашина, воистину, помешана на лечении. Она уничтожает невероятное количество валерьяновых, ландышевых и флердоранжевых капель, нюхает соли и спирт, которые носит всегда при себе в граненых флакончиках, глотает магнезию для урегулирования желудка и жует отвратительные леденцы гумми от кашля. Она постоянно кутается, боится холода, сквозняков и мнительна до последней степени.

Сейчас, при оклике Скифки, сконфуженная Валерьянка поднимается со своего места; ее бледное лицо заливается румянцем.

– Was liest du?² – слышится снова неумолимый голос классной дамы.

– Книгу, фрейлейн, – невольно срывается робкий ответ.

– Das ist keine Antwort!³ – бубнит снова с кафедры Скифка.

Ах, Валерьянка и сама понимает, что это далеко не ответ. Но слово сорвалось нечаянно, против воли. Она молчит.

Лицо Скифки багровеет.

– Баян! – кричит она, снова стуча по привычке ключом о доску кафедры и вонзая взоры своих узеньких, как щелочки, но всевидящих глаз в хорошенькую, поэтично растрепанную кудрявую головку девчурки лет шестнадцати, которой по наружности с успехом можно дать

¹ Что ты читаешь? Подойди сюда.

² Что ты читаешь?

³ Это не ответ.

всего лишь тринадцать лет, – Баян, посмотри, какую книгу читала твоя соседка. Und sage mir sofort!⁴

Ника Баян – самая отъявленная шалунья и общая любимица не только всего класса, но и целого института; ее поклонникам нет счета и числа. Помимо обворожительного точеного личика с самым жизнерадостным, выражением, так и брызжущим из ее карих глаз, помимо заразительного смеха, звенящего как колокольчик, Ника обладает способностью поднять своей веселостью и мертвых из гроба, рассмешить самых уравновешенных своими шутками, проказами, своим неистощимым запасом тонкого остроумия. Учится она неровно: то из рук вон плохо, то сбивает с места лучших учениц. Есть у нее еще удивительная способность, восхищающая весь институт. Прозвища у Ники нет; весь институт поголовно зовет ее по имени. Зато классные дамы, которым немало насолила за семь лет своего пребывания в институте Ника, – сами прозвали девочку «Буянкой», переиначив ее поэтичную фамилию, отдающую древней русской сказочной стариной.

Вот она встает, как будто полная готовности услужить Скифке. Встает с яркой улыбкой, зажегшейся внезапно в карих глазках, и быстро бросает взгляд на лежащую перед ее соседкой по парте, Балкашиной, книгу. И тотчас веселая улыбка сменяется плутоватой, а карие глазки, полные юмора, прячутся под сенью черных ресниц.

– О! – громко шепчет Ника, – О! Я не могу сказать, что это за книга, фрейлейн Брунс... Это... Это... Неприличная книга... Совсем неприличная...

Класс фыркает. Институтки в восторге, предвидя новую затею Ники.

– Что?

Жгучее любопытство и, торжество отражаются на лице Скифки. Ее голос дрожит от нетерпения, когда она выговаривает вслед за тем:

– Wie so?⁵ Неприличная? Но как же она смеет...

Теперь ее взгляд буквально простреливает насквозь бедную Валерьянку, режет ее без ножа; глаза прыгают; ключ барабанит по кафедре.

– Почему неприличная? – вызывает Скифка, повышая голос.

– Но... Но... Там... Там изображен совсем раздетый человек... И даже без мяса, – дрожа от смеха, лепечет Баян.

– Без мяса? О, это уж слишком.

Скифка бурей срывается со своего места и несется к злополучной парте.

На парте перед Валерьянкой лежит книга; на раскрытой странице изображен человек, вернее, скелет. Действительно, «человек без мяса», как говорила Ника; но книга не неприличная, а медицинская – краткий курс анатомии, только и всего.

Скифка смущается на мгновение. Потом стучит уже по адресу Вали о парту неумолимым ключом.

– Как ты смеешь читать такие книги! – сердито замечает Балкашиной Скифка.

Балкашина делает гримасу и подносит бескровные руки к вискам.

– У меня болел бок... – говорит она с вымученной улыбкой.

– Но ты держишься за голову.

– Теперь заболела голова...

– Это не относится к неприличной книге...

Валя опускает руку в карман, вынимает оттуда пузырек с английской солью и нюхает его с видом мученицы.

– У меня болел бок. – подтверждает она упрямо, в то время как несколько десятков воспитанниц сдержанно фыркают в платки, – и я хотела справиться в анатомическом атласе, кото-

⁴ И скажи мне сейчас.

⁵ Как так?

рое ребро у меня болит. Я взяла с этой целью медицинскую книгу; в ней нет ничего неприличного... Мы по ней проходили строение человеческого тела, анатомию... Ах, Боже мой, вы напрасно только меня расстроили. Я должна опять принимать капли. Мои нервы расстроены; я больше не могу...

Глаза Валерьянки наполняются мгновенно слезами, и с видом оскорбленной невинности она ныряет головой под крышку пюпитра. Там скрипит пробка в пузырьке, булькает вода, имеющаяся всегда наготове в классном ящике Вали. Она отсчитывает с сосредоточенным видом капли в рюмку, и через минуту противный, властно заявляющий о себе запах валерьяновых капель острой струей разносится по всему классу.

— Mesdames, Валерьянка снова наглоталась валерьянки, — шепчутся с подавленным смехом воспитанницы.

В это время перед Никой Баян на ее пюпитр падает бумажка, свернутая корабликом.

«Пойдем в клуб жарить сухари», — значится в записке всего одна строчка, набросанная корявыми буквами вкривь и вкось.

Ника быстро оборачивается.

На задней парте сидят четверо. С краю — черноглазая, пылкая и несдержанная армянка Тамара Тер-Дуярова, впрочем более известная под фамилией «Шарадзе», данной ей институтками за ее ничем непреодолимую слабость задавать шарады и загадки. Настоящее дитя Востока, не в меру наивная, не в меру ленивая и вспыльчивая особа лет восемнадцати, с некрасивым длинноносом профилем, похожим на клюв хищной птицы, но с прекрасными пламенными глазами, настоящими очами Востока, она имеет огромное достоинство: удивительное рыцарское благородство и непогрешимость в делах чести, за которое ее любах весь класс. Тамара никому еще не солгала и, не сказала неправды.

Подле нее сидит высокая белокурая «Невеста Надсона», семнадцатилетняя Наташа Браун обожающая талантливого поэта, при всяком удобном и неудобном случае цитирующая на память его стихи, которые она знает все до единого. В пюпитре же имеется копилка с ключом; в копилке — медные деньги. Их собирает давно Наташа на памятник поэту, который мечтает выстроить у себя в имении. На руке ее выгравированы булавками и затерты черным порошком заветные инициалы «С. Н» (Семен Надсон). На груди она носит медальон с портретом поэта. Кроме того, целая коллекция портретов Надсона у нее в классном ящике и в ночном шкафчике в дортуаре.

Рядом с Браун сидит «донна Севилья», или «кажущаяся испанка». Когда Ольге Галкиной было тринадцать лет, родители ее взяли девочку в Испанию, куда отцу Ольги было дано какое-то дипломатическое поручение в русское консульство. Галкины прожили в Севилье всего три дня, но с тех пор Ольга не перестает бредить севильскими башнями, свидетельницами далеких веков, дивной, полной блеска, природой, боем быков и испанскими серенадами. Белобрысая, некрасивая, светлоглазая, с маленьким ртом, Ольга скорее похожа на финку, нежели на испанку, и прозвище «донны Севильи», данное ей подругами, менее всего подходит к ней.

Рядом с «кажущейся испанкой» сидит «Хризантема». Это — высокая русоволосая девушка с осиной талией, обожающая цветы, преимущественно хризантемы и розы. Она засушивает их в книгах, зарисовывает в альбомы, всегда имеет один цветок хризантемы в пюпитре, другой на ночном столике в дортуаре. Все свои карманные деньги Муся Сокольская употребляет на покупку цветов, преимущественно хризантем.

Все четверо кивают Нике. Это значит, что записка прилетела от них.

Ника быстро вынимает из кармана носовой платок, прикладывает его к губам и, делая страдальческое лицо, подходит к кафедре.

— Фрейлейн Брунс, меня тошнит... Позвольте мне выйти из класса.

– Sprehen deutsch!⁶ – сердито роняет Скифка невозмутимым голосом, но при этом строго и подозрительно поглядывает на шалунью.

Ника Баян с покорным видом невинной жертвы переводит фразу на немецкий язык.

– Gehen sie, aber kommen sie schnell zureck,⁷ – милостиво разрешает Августа Христиановна.

Ника тенью скользит из класса. У дверей она приостанавливается и, повернувшись спиной к классной даме, делает «умное» лицо по адресу класса. Мимика девушки богата выражением. Комический талант Ники известен всему классу. И весь класс, глядя на «умное» Никино лицо, дружно, неудержимо прыскает со смеху.

– Баян! – строго окликает девушку Скифки, – опять клоунство, шутовство! Здесь не цирк и не балаганы!

Ключ стучит по доске кафедры, Лицо немки, обычно густорозового цвета, теперь красно, как пион.

Но Ника ее не слышит. Она уже в коридоре... На лестнице... Быстро пробегает она по частым ступенькам и птицей взлетает в третий этаж. Вот и дверь «клуба» – комнаты, имеющей исключительное назначение и отнюдь не похожей на клуб. Единственная лампочка светит тускло. В углу ярко пылает печь. Ника быстро распахивает ее железную дверцу и несколько минут смотрит на огонь, присев на корточки. Потом вынимает из кармана тонкие ломтики черного хлеба, густо посыпанное солью, и осторожно кладет их на «пороге» печной дверцы.

Черные, собственноручно подсушенные сухари – любимое лакомство институток. За это подсушивание хлеба начальство жестоко преследует институток. Но запретный плод особенно вкусен, и никакие наказания не могут отучить девочек от соблазнительного занятия.

Ника так увлеклась своим делом, что не заметила, как с имеющегося в «клубе» окна, с его широкого подоконника, соскакивают две девушки. Одна из них довольно полная, с матовым цветом лица, задумчивыми черными глазами и пышными черными волосами. Другая повыше; она тонка и стройна; своеобразно и энергично ее смуглое лицо, похожее на лицо цыганенка. Курчавая шапка коротких волос дополняет сходство с мальчуганом-цыганом. Только большие черные глаза нарушают это сходство своим строгим, смелым выражением, вместе с гордыми энергичными бровями, почти сросшимися на переносице, и шаловливой усмешкой неправильного, детски капризного рта.

Не замеченные Никой, обе девушки тихонько подкрадываются к ней сзади, и вмиг тонкие руки «мальчугана» крепко, ладонями вниз, закрывают ей глаза.

– Ага! Попалась! Будешь сухари в печке сушить! – деланным басом говорит «цыганенок», в то время как ее подруга беззвучно смеется, оставаясь в стороне.

– Ах! – скорее изумленная, нежели испуганная, роняет со смехом Ника.

– Берегись, о, несчастная! Горе тебе! Ты заслуживаешь жесточайшей кары! – басит над ней смуглянка.

– Ха ха, ха! Угадала! Угадала! Это Алеко! Алеко! – вдруг разражается громким хохотом Ника и бьет в ладоши.

Смуглые руки вмиг выпускают ее глаза.

«Алеко» и есть. «Земфира» и «Алеко». Двое героев Пушкинской поэмы «Цыганы»: Мари Веселовская, с ее глазами и лицом цыганки, и Шура Чернова – два попугайчика из породы «inseparables»,⁸ дружат уже с младших классов и не расстаются ни на минуту. Хотя Алеко, герой «Цыган» Пушкина, и не цыган вовсе, а русский, попавший в табор, но тем не менее, Шуру Чернову, похожую на цыганенка-мальчика, прозвали этим именем, а Мари Веселовскую

⁶ Говорите по-немецки!

⁷ Идите, но возвращайтесь скорее назад.

⁸ Неразлучников.

– «Земфирой». Они вместе готовят уроки, вдвоем гуляют в часы рекреации, вместе читают книги. Их парты рядом. Они соседки и по столовой, и по классу, и по дортюару. Они обе ревнивы, как истинные дети юга. И ни та, ни другая не смеет дружить с остальными подругами по классу.

Сейчас обе они явились в «клуб», чтобы прочесть новую интересную книгу.

– Ага, цыгане, вот они чем занимаются! Как вам удалось вырваться из класса? – улыбаясь всеми ямочками своего розового лица, роняет Ника.

Жар печки горячим румянцем обжег щеки Нике; ее карие плутоватые глазки заискрились какими-то шаловливыми искорками.

– А вот... – начала своим низким грудным голосом Земфира и оборвалась в тот же миг.

Неожиданно шумом, смехом и суетой наполнился «клуб». Как вихрь, ворвались под его гостеприимную сень пять новых проказниц: неуклюжая, необыкновенно крупная Шарадзе; за ней высокая и изящная «невеста Надсона»; гибкая, тоненькая и нежная, сама похожая на цветок, Хризантема; донна Севилья, с ее восторженным лицом и рассеянными, блуждающими белесоватыми глазами, и подруга Муси Сокольской, «Золотая рыбка», или Лида Тольская, маленькая и шатенка с прозрачными веселыми серыми глазами и, стеклянным голоском.

Если у Муси Сокольской слабость – цветы, преимущественно хризантемы, то у Лиды Тольской совсем иная слабость: она обожает рыб. Как дома, так и здесь, в институте, в ночном шкафчике в дортюаре, у нее имеется крошечный аквариум, который она получила от своего брата в день ее рождения. С аквариумом большая возня: надо менять каждый день и воду, чистить его, кормить четырех золотых рыбок и двух тритонов, имеющих в нем. Надо скрывать существование аквариума от Скифки и другой, французской, классной дамы, от инспектрисы и прочего начальства. Делу содержания аквариума Лида Тольская отдается с восторгом. Золотые рыбки и тритоны, это – ее сокровище, ее богатство. И сама она похожа на рыбку с ее холодными глазами, спокойными движениями и стеклянным голоском. «Золотой рыбкой» и прозвали ее подруги.

– Сухари! Сухари! Душки сухари! Прелесть сухарь! – запела армянка, подсакивая к печи и выхватывая оттуда горячий, как огонь, обгорелый чуть не до степени угля кусочек хлеба, и тут же отдернула руку.

– Ай, жжется! – взвизгнула она на весь «клуб» и закружилась по комнате, дуя себе на пальцы.

– Как вы удрали от Скифки? Вот молодцы! – весело воскликнула Ника.

– Меня затошнило, как и тебя, – смеясь, говорит донна Севилья; – им – (она мотнула головой на Хризантему и Золотую рыбку), – как водится, захотелось пить; у нашей Шарадзе спустился чулок, потому что лопнула подвязка, – как видишь, причины уважительные, не правда ли?

– А «невеста Надсона» как?

– А «невесту Надсона» увлек призрак жениха, – засмеялась Шарадзе – и она, проходя мимо Скифки, стада невидимой, как призрак или мечта.

– Глупые шутки, – презрительно произнесла белокурая Наташа и задумчиво продекларировала вполголоса:

Я не Тому молюсь, Кого едва дерзает
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И перед Кем мой ум бессильно замолкает.⁹

⁹ Стихотворение С. Надсона.

– А разве у тебя есть ум? А я и не знала, – невинно роняет подоспевшая Тамара Тер-Дуярова.

– Шарадзе, не воображаете ли вы, что вы умны? – вступается Золотая рыбка.

– А то глупа? Кто умнее – ты или я? Это еще вопрос, – неожиданно вспыхивает Шарадзе. – Кабы умна была, шарады да загадки решала бы, а то самой пустячной из них, душа моя, не умеешь решить, несмотря на все старания.

– Задай, мы все решим сообща, – примиряющим тоном предлагает Ника.

– То-то, решим... – ворчит Шарадзе, забавно двигая длинным носом. – Вот тебе, решай, коли так: «Утром ходит в лаптях, в полдень в туфлях, вечером в башмаках, а ночью в облаках». – Что это?

Общее молчание водворяется на мгновение в «клубе».

– Что это? – возвышая голос, повторяет Шарадзе и победоносным и торжествующим взором обводит подруг.

Те молчат. «Донна Севилья» копошится у печки, аккуратно раскладывая у самой дверцы ее принесенные сюда свои и чужие ломтики черного хлеба, предназначенного на сухари. У остальных озадаченные, напряженные лица.

– Не знаете? Не угадываете? Ага! Я так и знала, – торжествует Шарадзе и быстро поворачивается к Нике:

– Ты, душа моя, самая умная, и не можешь решить?

– Благодарю за лестное мнение, синьорина, – отвечает Ника, отвечивая насмешливый реверанс и делая «умное лицо», глядя на которое все присутствующие неудержимо хохочут.

– Ага! – торжествует Шарадзе. – Значит, не доросли. Это, душа моя, не шутка – загадку решить.

– Ну, да ладно уж, ладно, не ломайся, говори что это, – нетерпеливо требует Алеко.

Шарадзе еще молчит с минуту. Новый торжествующий, полный значения взгляд, и она неожиданно выпаливает с апломбом:

– Это – месяц. Месяц небесный, душа моя, только и всего.

Эффект получается неожиданный. Даже все подмечающая Ника и насмешница Алеко Чернова забывают напомнить Тамаре о том, что земного месяца до сей поры еще не видали, – и они поражены, как и остальные, неистощимой фантазией Шарадзе. Наконец, Хризантема первая обретает способность говорить:

– Месяц? Как странно! Но послушай, Шарадзе, как же в лаптях и башмаках? Месяц, и в лаптях... Странно что-то.

– А по-твоему, душа моя, он должен босиком ходить, что ли? – набрасывается на нее армянка.

– Я... Я не знаю... – роняет смущенная Муся.

– И я не знаю, душа моя. В том-то и дело, что ни я, ни ты, и никто, душа моя, не знает, как он ходит: в лаптях, босой или в башмаках; а знали бы, так никакой загадки и не было бы, – с тем же победоносным взглядом заключает Тамара.

Ника Баян при этом неожиданном выводе разражается неудержимым смехом. Хохочут и все остальные.

– Нет, она обворожительно наивна, наша Тamarочка, – шепчет Алеко, покатываясь на весь «клуб».

– Ха, ха, ха! – звенит своим стеклянным голосом Золотая рыбка.

Даже бледная, всегда задумчивая «невеста Надсона» не может удержаться от улыбки. Неудержимое веселье захватывает всех находящихся в «клубе» девушек.

– Хи, хи, хи! Ха, ха, ха! – то и дело, вспыхивает здесь и там.

В самый разгар необузданного гомерического хохота на пороге вырастает угловатая, нескладная фигура первоклассницы Зи́ны Алферовой. Зину называют «дорогая моя» за ее постоянную привычку прибавлять эти два слова чуть ли не к каждой фразе, кстати и не кстати.

– Mesdam'очки, тише, дорогие мои, тише, – лепечет Зина с перекошенным от страха лицом. – Дорогие мои... На черной лестнице лежит кто-то... Лежит и рыдает... наткнулась... Ах, Господи, дорогие мои, это так страшно, страшно...

И руки Зи́ны поднимаются к бледному лицу, и сама Алферова, прислонившись к косяку двери, готовится заплакать горькими слезами.

Глава IV

Недавнего смеха как не бывало; мгновенно исчезла неподкупная юная радость.

Первая приходит в себя Ника. Темные глазки Баян, еще за минуту до этого полные юмора и смеха, сейчас отражают неожиданное волнение, тревогу. Она бросается к Алферовой, трясет ее за руку и довольно громко кричит, сама не замечая своего крика:

– Где рыдает? Кто? Ты видела? На лестнице? Где?

– Дорогая моя, в «чертовом гроте»... – может только беспомощно простонать ей в ответ Зина.

Ника Баян, выслушав этот ответ, быстро поворачивается к подругам.

– Хризантема, собери сухари, когда они будут готовы, – говорит она тоном, не допускающим возражений. – А ты, Золотая рыбка, беги в класс и займи чем-нибудь Скифку, чтобы она не заметила нашего отсутствия. Все остальные, за мной!

Никому и в голову не приходит обижаться сейчас на повелительный тон Ники, и беспорядочной толпой девушки спешат из «клуба» на черную лестницу.

Здесь, на третьем этаже верхняя, самая последняя чердачная площадка, прозванная институтками «чертовым гротом», тонет во мраке. Несколько ступенек ведут от нее на чердак, к его наглухо запертой двери.

Это место недаром носит название «чертова грота». Отсюда, если верить давнишней институтской легенде, бросилась вниз с высоты третьего этажа в пролет лестницы одна из воспитанниц старшего класса, внезапно захворавшая душевным расстройством, и призрак ее в лунные ночи будто появлялся в окне «чертова грота» и пугал трусливых институток.

Не без тайного страха поэтому вся небольшая группа вышла на темную лестницу, едва освещенную двумя лампочками, и, сбившись в кучку, замерла в молчании. Сумрачно, ни шороха, ни звука... Сбились в тесную группу девушки... Слушают и ждут.

На верхних ступенях лестницы что-то, действительно, лежало, что-то большое и таинственное. Оттуда же слышатся заглушенные не то рыдания, не то стоны.

Испуганные девушки со страхом прислушиваются к ним.

– Mesdam'очки, да что же это! – с тоской вырвалось из груди донны Севильи.

– Молчи, душа моя, молчи! – зашипела на нее Шарадзе, это «она» плачет.

– Кто «она»?.. Шарадзе, не смей пугать, взвизгнула не своим голосом Зина Алферова, приседая на пол со страху.

– Ну, не «она», так «он», дух погибшей институтки, бросившейся с лестницы триста лет тому назад, – невозмутимо пояснила Тамара.

– Боже, какая она наивная, эта Шарадзе! Триста лет тому назад здесь не было ни института, ни города... Здесь были одни болота... – прошептала Алеко.

– На лестнице болота? Как это?

Черные, наивные глаза, единственное, но неоспоримое сокровище лица армянки, вмиг загораются любопытством.

Но ей никто не отвечает.

– Mesdames, рыдания прекратились... Фигура шевелится... И я иду узнать, кто это такой... – заявляет Ника и прежде, нежели ее могут удержать подруги, уже стоит на лестнице, в самом сердце «чертова грота», на ступеньках, ведущих на чердак.

Выплывает, на счастье, луна и появляется в маленьком окошке, приходящемся в уровень с площадкой лестницы. Она заливает своим млечным светом и лестницу с ее темными ступенями и низенькую дверь, ведущую на чердак, и темную фигуру, лежащую на полу.

Тихие всхлипывания доносятся теперь до Ники и до замерших в тоске ожидания воспитанниц. И вдруг темная фигура зашевелилась, отбросила платок, прикрывавший ее голову и часть туловища, и медленно поднялась на ноги.

– Это Стеша! – неожиданно вырвалось у Ники. – Mesdames, не бойтесь, это коридорная Стеша, – чуть повысив голос, звонким шепотом бросает она подругам.

Какое разочарование! Увы! – только «бельевая» Стеша! А как приятно было заблуждаться! Как приятно волновала мысль, что здесь происходит что-то сверхъестественное, необычайное, от чего закипает мысль и по телу пробегает холодная дрожь! Луна... «Чертов грот», черная лестница... Рыдания... И вдруг – Стеша! Удивительно прозаическое явление!

Однако, Стеша плачет, а раз плачет, то надо ее утешить. Юные, чуткие сердечки очень чувствительные к чужому горю. Через минуту вся группа «жаждущих приключений» уже наверху. На тесной маленькой площадке перед чердачным помещением они окружают Стешу. При свете луны всем хорошо видно ее пухлое лицо, залитое слезами, покрасневший кончик вздернутого носа и припухшие от слез губы.

– Что с вами? О чем вы плакали, Стеша? Кто вас обидел?.. Неужели опять Пиявка? – слышатся полные участия и заботы голоса.

Но вместо ответа, Стеша снова разражается рыданиями. Она так сильно плачет, что ее сильные плечи дрожат, и все ее крепко сложенное тело трепещет, как былинка под напором бури.

– Воды, mesdames! Принесите стакан воды! – командует Алеко.

Возвратившаяся из класса «Золотая рыбка» мчится за водой по направлению дортуара и умывальной, находящихся здесь же, в третьем этаже. Когда она возвращается с наполненной до краев кружкой, Стеша, окруженная институтками и подкупленная общим участием к ее горю, роняет сквозь всхлипывания и слезы:

– Барышни, не выдайте... Миленькие, не погубите. Узнает Пиявка – со свету сживет... Горе у меня, барышни, миленькие... Дочурку сестры покойной из деревни привезли и мне подкинули... Девчонке пяти годков еще нет... Сиротка она... Вчера я ходила по знакомым, просила Христом Богом взять, приютить у них ребенка. Куда уж! Видно, все друзья лишь до черного дня: и слышать не хотят взять в дом девчонку... А в подвале в девичьей у себя нешто можно держать? Надсмотрщица, то и дело, шмыгает... Капитошка, шпионка эта, того и гляди, инспектрисе донесет, пожалуется... А куда мне Глашку девать? На улицу, что ли, выбросить?.. Ведь обманом мне ее оставила знакомая одна, землячка моя: пришла, подкинула и сама скрылась.

– Ах, как необыкновенно все это! Точно в сказке! – зашептали кругом восторженные голоса.

– Хороша сказка, нечего сказать! Выгонят на улицу Стешу с девочкой, вот вам, будет сказка.

Кто сказал это? Чьи глаза сверкнули таким негодованием, мельком обежав лица подруг?

Это Ника Баян. Неожиданно, положив маленькую ручку на плечо Стеши, снова залившейся слезами, она заговорила со свойственной ей пылкостью;

– Стеша милая, утрите ваши слезы... Перестаньте плакать. Девочка – не вещь какая-нибудь. Ее нельзя выкинуть за дверь. Послушайте, я придумаю что-нибудь... Мы посоветуемся с классом, а потом решим. Но только покажите нам девочку... Приведите ее сегодня ночью в дортуар в одиннадцать часов... Слышите, приведите! Мы все так любим детей и займемся ее судьбой... Бедная детка... Для нее необходимо что-нибудь придумать. Ее надо приютить у кого-нибудь из наших родных... Мы попросим, мы устроим. Только дайте подумать... Так сразу нельзя... Да не плачьте же вы, ради Бога. Ваше дело далеко не потеряно, уверяю вас.

И тонкие пальчики Ники бегло погладили белобрысую Стешину голову.

Стеша упала к ногам Баян и обняла ее колени.

– Барышня... Ангел наш... Золотенькая... Не знаю уж, как и благодарить... Век не забуду участия вашего... – зашептала она, ловя и целуя руки Ники...

Та, вспыхнув до ушей, проворно отдернула пальцы.

– Как вам не стыдно, Стеша. В ногах валяетесь, руки целуете! Срам какой! Терпеть этого не могу, – сердито проговорила Ника и, видя смущение проворно поднявшейся на ноги девушки, добавила чрез мгновение уже более милостивым тоном:

– Теперь ступайте к «ней», Стеша, а вечером, когда фрейлейн Брунс уйдет к себе, тайком приведите к нам вашу малютку племянницу... Нашей дортуарной прислуги не бойтесь, мы уговорим Ньюшу, и она не выдаст нас... А пока до свиданья. Помните, ждем ровно в одиннадцать часов... Идем, mesdames, в класс. До звонка к чаю осталось немного, – обратилась Ника к подругам.

И вся гурьба девочек с присоединившейся к ним Хризантемой, успевшей за это время нажарить едва ли не целый фунт сухарей, помчалась вниз, на второй этаж, где находились классы.

Там оставалось все по-прежнему за это время. Августа Христиановна Брунс сидела на своем обычном месте за столом кафедры и вязала крючком бесконечное вязанье. Класс готовил уроки. Некоторые читали «под сурдинку», иные писали письма родным или тихо переговаривались между собой. Возвращение в класс «кучкой», как это называлось на институтском языке, было немыслимо. Тогда Алеко, она же Шура Чернова, не менее отчаянная, нежели Баян, первая вошла в класс. Остальные оставались в коридоре за колоннами. Шура приблизилась к кафедре и произнесла с самым невинным видом:

– Фрейлейн, какая-то дама встретила меня в нижнем коридоре, когда я шла из лазарета, и просила вызвать вас.

Лицо Скифки вспыхивает от неожиданности. Даже ее клюквообразный носик покраснел. У нее почти нет знакомых. Ее редко вызывает кто-нибудь. Это известие так неожиданно, что мгновенно вытесняет все прочие мысли из головы Августы Христиановны. Она забывает даже сделать Черновой замечание за самовольную отлучку из класса. Лицо, похожее своим цветом на спелый помидор пылает. Маленькие глазки так и искрятся любопытством.

– Дама, ты говоришь? Меня спрашивает дама в нижнем коридоре?

– Дема в черном платье и в шляпе с серым пером, – неудержимо фантазирует черненький Алеко.

– Высокая? Маленького роста?

– Повыше меня и пониже вас.

– Странно, – произносит, волнуясь, Скифка, срывается с кафедры и исчезает за дверью.

Этого только и надо черненькому Алеко. Спустя минуту, Шура выскакивает следом за Скифкой и стоя посреди коридора, машет платком. В тот же миг из-за колонн выскакивают любительницы подсушивания сухарей и влетают в классные двери. Еще миг, и Ника Баян на кафедре. Ее кудри трепещут; ее глаза искрятся и горят, как звезды, когда высоким звонким голосом она звенит на весь класс:

– Mesdames, новость! К коридорной Стеше принесли ребенка в девичью... пятилетнюю племянницу из деревни... Девочку не позволят держать здесь... Надо придумать что-нибудь... Надо помочь Стеше... Бедняжка плачет... Рекой разливается... Денег нет, крова нет...

– И кюшать нечего, – с искренним отчаянием добавляет Тамара, которая в минуту особенного душевного волнения произносит слова с акцентом к немалому смеху подруг. Но сейчас это никому не смешно, никто не смеется.

– Молчи! Молчи! – дружно шикают на нее со всех сторон одноклассницы.

– Чего молчи, когда кюшать нужно, – волнуется армянка, сверкая восточными глазами.

– Mesdames, – продолжает громко Ника и стучит по столу забытым Скифкой ключом, – Стеша приведет девочку нынче ровно в одиннадцать часов в дортуар, постараемся улечься «без бенефисов» сегодня. Пускай Скифка уползает скорее в свою конуру. Не правда ли, господа?

– Конечно, конечно... Бедная девочка!.. Как жаль, если не удастся ее пристроить!..

– Как не удастся. Должно удастся.

– И устроим! И сделаем!

– Вне всякого сомнения!

– Разумеется!

– Понятно!

Ключ снова стучит по кафедре. Крики крепнут, растут...

Неожиданно раздается звонок, призывающий к чаю и к вечерней молитве. Вслед за тем в класс как-то боком вползает Скифка. Лицо ее багрово пылает. Глаза прыгают и мечутся в узеньких щелках век.

– Чернова! – звучит ее трескучий голос зловеще. – Komm her!¹⁰

Черненький Алеко выступает вперед.

– Стыдно так обманывать свою наставницу, позор! Где ты видела даму с серым пером и в черном платье?

Шуру Чернову душит смех и, лукаво опустив черные ресницы, она шепчет к полному изумлению классной дамы:

– На картинке.

– Wie so?¹¹

Скифка так озадачена, что теряет способность задать более подробный вопрос шалунье.

– Фрейлейн, – смиренным голосом подхватывает Шура, – клянусь вам, я видела такую даму на картинке... Она мне показалась на вас похожей: те же глаза, те же волосы, нос...

– Словом, душка! – подхватывает шепотом Ника, дрожа от смеха.

– И с тех пор она мне является всюду: и в коридоре, и в классе... И сейчас, когда я возвращалась из лазарета, мне почудилось ясно, что она подошла ко мне и сказала: «Вызовите фрейлейн Брунс из выпускного класса».

Голос черненького «Алеко» полон подкупающих интонаций. Смирением веет от смуглого «разбойничьего», как его называют классные дамы, лица.

Но «Скифку» провести трудно. Она бросает в сторону Черновой убийственный взгляд, шурит и без того узенькие глазки-щелки и говорит:

– Bitte, nur keine Grimassen!¹² А чтобы тебе не «казалось» больше, я сбавила два балла за поведение. Поняла?

– Поняла... – покорно стонет Шура в то время, как Ника делает ей умное лицо.

– В пары становитесь, в пары! – внезапно раздражается Скифка и, по обыкновению, стучит ключом по столу.

В одно мгновение воспитанницы становятся подвох и длинной вереницей выходят из класса.

– Не шаркать подошвами! Поднимать ноги! – снова кричит «Скифка».

Зеленая вереница девушек смиренно и стройно спускается вниз.

В длинной, продолговатой комнате столы, столы и столы; целые ряды столов, и за ними на жестких скамейках без спинок около трех сотен зелено-белых девушек, одинаково одетых в тугие, крепкие камлотовые платья, напоминающие своим цветом болотных лягушек, и в белых передниках, пелеринках и привязанных рукавчиках, именуемых а институтском языке «ман-

¹⁰ Подойди сюда!

¹¹ Как так?

¹² Пожалуйста, без гримас!

жами». Подается ужин, состоящий из горячего блюда, затем чай с булкой. После ужина – вечерняя молитва. Дежурная по классу читает длинный ряд молитвословий и псалмов. «Отче наш» и «Верую» певчие повторяют хором. Евангелие читает Капочка Малиновская, «Камилавка», как ее дружно окрестили воспитанницы выпускного и других классов. Капочка – дочь учителя. Это – удивительная девушка. Она молитвенница и постница, каких мало. Религиозная, читающая одни только священные книги и иногда, в виде исключения, произведения классиков, знакомство с которыми необходимо в старших классах. Она самым чистосердечным образом считает ересь и грехом все то, что не отвечает требованиям религии. Худенькая, нескладная, с некрасивым веснушчатом лицом и утиным носом, девушка эта как-то странно изменяется, становится почти прекрасной в те минуты, когда читает псалтирь на амвоне скромной институтской церкви. Дьячка в институте не полагается, и обязанности его несет та или другая воспитанница, она же читает и Евангелие на утренней и вечерней молитвах. Обыкновенно роль дьячка исполняет Капочка. Тогда голос девушки крепнет и растет, выделяя в то же время какие-то удивительные бархатные ноты. Слова она произносит с захватывающим выражением, и из суровых, недетских и даже как будто немолодых глаз исходят лучи. Капа в душе своей затаила мечту несбыточную, дерзкую, но красивую: она мечтает проповедовать Евангелие среди оставшихся в обширном мире язычников-дикарей и пострадать за Христа, как страдали когда-то древние мученицы христианства.

Ее раздражает всегда одна и та же мысль: зачем женщины не могут быть священниками. О, с каким восторгом она вступила бы на этот путь, отрекшись, как монахиня, от светского мира. Увы, мечта так и остается мечтой!

Но вот смолкает бархатный голос Капочки. Выпускные пропели хором «Спаси Господи люди Твоя», и снова ряды воспитанниц стройными шеренгами движутся по лестнице, коридору и расплываются в разные стороны, каждое отделение в свой дортуар.

Глава V

Как-то странно бесшумно улеглись сегодня выпускные воспитанницы по своим постелям. Не только «образцовые» (*лучшие по институтскому определению*), но и «отпетые» (*худшие*) не проронили сегодня ни одного громкого слова ни в дортуаре, ни в умывальной, прилегающей к спальню комнате. Только Эля Федорова, самым искренним образом считающая себя «большим голосом» и талантом, но фальшивившая на каждой ноте, запела, добросовестно натирая себе руки кольдкремом, свою любимую и вечно повторяемую «Гайда, тройка... снег пушистый...». Но на нее тотчас же дружно зашикали со всех сторон и замахали руками:

– Что ты, с ума сошла? Не раздражай Скифку... Вспомни, какая сегодня ночь...

Тер-Дуярова, подкравшись к постели Ники Баян шепнула:

– Ну что, душа моя, пойдем мы нынче в «Долину вздохов»? Княжна и Мара ждут вас там наверное.

– Ах, до княжны ли нынче, Шарадзе, – засмеялась Ника, вспыхивая и краснея до ушей.

– Ну, вот еще, а я, как нарочно, новую загадку вспомнила... Хотела Маре нести... Теперь не придется, – вздыхает армянка.

– Хорошо, нам загадаешь, – снисходительно разрешила Ника и, немного повысив голос, бросила обращаясь ко всем остальным.

– Medames! Приготовьтесь: Шарадзе новую шараду сейчас задаст.

Мгновенно все становятся около постели Ники, на краю которой торжественно устраивается Тамара, заранее смакующая прелесть своей шарады. Пылающими глазами она обводит сомкнувшихся вокруг нее круг одноклассниц.

– Что это, душа моя, скажи: менее восьми, больше шести, ходит туда, сюда... Очень прилично...

В слове «прилично» Тамара произносит «и», как «ы», как всегда, когда немного волнуется. Кто-то фыркает.

– Medames, наша Шарадзе, душа моя, в математику пустилась. Так цифрами и сеет! – хохочет Ника.

– А ты не смейся, а скажи! Смеяться каждый может, а решить не каждый может, – с апломбом говорит армянка.

– Глупость какая-то, – решает Золотая рыбка и смеется своим стеклянным смешком.

– Сама-то ты глупость. И твой аквариум глупость, – неожиданно вспыхивает Тамара. – А это, что задала я вам, не глупость, а...? Не угадываете? Так вот вам – трамвай.

– Как трамвай? Почему трамвай – звучат удивленные возгласы.

– Ну да, трамвай N 7, душа моя. Ведь по-русски говорила: поменьше восьми, побольше шести, ходит туда-сюда. Очень прилично. Трамвай N 7 и есть.

– Ха! Ха! Ха!

Все хохочут неудержимо, все, кроме Камилавки, которая считает и смех ересью, грехом.

– Medames, тише. «Скифка» из конуры своей выползет сейчас.

Действительно, легкая на помине Августа Христиановна стоит на пороге своей комнаты, хлопает в ладоши и кричит:

– Schlafen, Kinder, schlafen!¹³

В один миг все разбегаются по своим постелям. Дежурная щелкает выключателем, и лампы гаснут, за исключением одной. Дортуар сразу погружается в приятную для глаз полутьму. Теперь фрейлейн Брунс тенью скользит по «промежуткам», то есть по дорожкам-интервалам, образовавшимся между тремя рядами кроватей.

¹³ Спать, дети, спать!

– Сегодня улеглись без шума. Слава Богу! – говорит сама себе Скифка, заранее мечтающая о теплой постели и завтрашнем свободном от дежурства дне.

Только что-то чересчур уж долго молится Малиновская, стоя на коленях в своем «перелуке», и подозрительно шепчется влюбленная парочка – Чернова и Веселовская, – не замышляют ли чего-нибудь на ее счет? От этой Черновой, как и от Баян, всего ожидать можно, обе – «буянки», обе – «сорвиголовы» и «разбойницы», обе из «отпетых», – томится бедная фрейлейн Брунс.

– Чернова, молчать! Не шептаться!

– И ты, Баян, спать! – неожиданно резко раздается ее окрик в полутемном дортуаре.

– Ай! – взвизгивает Золотая рыбка делано испуганным голосом. – Кто это кричит? Я заснула, а меня разбудили...

– Трамвай N 7! – торжествующе поднимает голос армянка.

– Ха, ха, ха! – забывшись, громко хохочет Ника.

– Баян! Сейчас же спать.

– Я сплю... – покорно соглашается Баян.

Смех ее смолкает мгновенно. Легкий вздох вы рывается из груди. Два обстоятельства волнуют Нику. Во-первых, необходимо восстановить полную тишину в дортуаре и дать Скифке убедиться в общем спокойствии, а во-вторых... Это «во-вторых» смущает Нику не меньше. Там, в «Долине вздохов», или попросту, на площадке церковной лестницы, ждет ее «Сказка».

Ника Баян, кумир всего института, скрывает всячески от всего класса о том, что обожает «Сказку», Знает об этом только одна Шарадзе, знает потому, что в свою очередь «бегает», – как выражаются институтки – за подругой «Сказки», одноплемянницей Тамары, второклассницей, юной армяночкой Марой Нушидзе, с которой княжна Заря Ратмирова, «предмет» Ники, неразлучна.

Ника и сама не может понять, что тянет, ее, умную развитую, талантливую, бойкую и шаловливую девушку, к всегда молчаливой, странно таинственной Заре, с ее красно-рыжими волосами и странными, какими-то пустыми глазами серо-синего цвета, с тихим, как бы надтреснутым голосом и плавными движениями. Но тянет ее к Заре неудержимо, несмотря на то, что Заря больше молчит и никогда не смеется... «Сеньора Серьеза» прозвали ее в насмешку подруги-второклассницы. Но это молчание, эта серьезность «Сказки» («Сказкой» прозвала княжну Ратмирову сама Ника) и пленяют экзальтированную девушку. Ника Баян сама, со свойственной ей откровенностью, рассказала все Сказке: и о том, что ее, Никин, папа – командир кавалерийского полка, и о том, что у нее есть два брата и бабушка, которые живут далеко-далеко, чуть не на самой границе Манчжурии, что она ездит верхом, как казак или туземец-маньчжур, джигитует, умеет плясать, подражая знаменитой Айседоре Дункан, босоножке, и прочее, и прочее... А о княжне Заре Ника не знает ничего.

Слышала только, что род Ратмировых захудалый и бедный и что сама княгиня, мать Зари, приходит на прием к дочери в стареньких платьях и стоптанных башмаках. Но это еще больше привлекает Нику к ее Сказке. Эта молчаливая гордая бедность так подходит к таинственному образу княжны.

Сейчас Ника думает о ней, о том, что Заря и Нушидзе ждут их обеих в «Долине вздохов». Но сегодня Ника не пойдет в «Долину вздохов», ей надо подумать и решить, что делать с маленькой девочкой, как выручить Стешу. И она думает долго, напряженно... Вдруг что-то радостное вливается ей в грудь. Рой светлых, счастливых мыслей проносится у нее, как молния, в голове. Сердце начинает биться, как птица в клетке, быстро и бурно... О, какое счастье. Она нашла выход, она знает как помочь горю.

– «Невеста Надсона», «невеста Надсона!» Ты не спишь? – шепотом обращается она к своей соседке с левой стороны (с правой помещается Оля Галкина, донна Севилья).

Вместо ответа, белокурая Наташа Браун, успевшая уже задремать, декламирует спросонья:

Мне снится эта ночь и снится он... угрюмый,
Без цели он бредет на площади глухой,
Сжигаемый своей мучительной думой,
Страдающий своей непонятой тоской...

– Тише, ради Бога тише, Наташа... – молит Ника. – Слушай, что я придумала.

И она тут же наскоро сообщает соседке явившуюся ей так кстати счастливую мысль.

– Ах! – Наташа Браун даже всплескивает беленькими ручками от восторга – такой удачной кажется ей мысль Ники.

– Ника, прелесть моя, дай я тебя поцелую... – лепечет Наташа и бросается на грудь Баян.

Затем обе девушки берутся за руки и босиком, в одних рубашках, направляются из дортуара в умывальную, просторную комнату с медным бассейном-желобом для мытья и с десятком кранов, ввинченных в медную же доску, прилаженную к стене. Маленькая лампочка освещает умывальную. В углу ее в выдвинутом ящике огромного комода-постели спит дортуарная девушка. Ее толстая русая коса свесилась на пол. Руки закинута за голову, рот полуоткрыт.

– Ньюша, Ньюша! Проснитесь! Идите вниз и пробудьте до двенадцати ночи у вас в девичьей... – говорит шепотом Ника, расталкивая спящую горничную. – И если вы обещаете молчать о том, что я вас просила уйти сегодня, то получите за это рубль, на чай.

Растерявшейся Ньюше остается только повиноваться. Она встает, покорная, заспанная, смущенно на глазах барышень натягивает чулки, белье, платье, накидывает платок и исчезает.

Теперь Ника стремительно и бесшумно бросается в дортуар на цыпочках, едва касаясь земли. Здесь, проворная и легкая как серна, она обегает постели, целые три ряда постелей с неподвижно застывшими в них, дабы обмануть бдительность Скифки, воспитанницами, и срывает одеяло с каждой из них. В другое время несдобровать бы Нике, но сегодня, сейчас, воспитанницы выпускного класса знают отлично, что означает этот резкий маневр. И не дольше, как через минуту, тридцать пять белых фигур в длинных ночных рубашках и в туфлях на босую ногу бесшумно скользят за дверь.

* * *

– Mesdam'очки смотрите, какой душонок.

– Прелесть какая!

– Это – маленький ангел! Очаровательный ангелок!

– Поцелуй меня, котик мой!

– Нет, нет, меня первую!

– И меня, и меня тоже!

В умывальной собрался, за малым разве исключением, почти весь выпускной класс. В дортуаре остались только двое: «Спящая красавица» Нета Козельская, безжизненная девушка, имеющая способность засыпать всюду, где можно и где нельзя: в классе на уроках, в столовой за обедом, в часы рекреации в зале, не считаясь с обстоятельствами места и времени; да еще Лулу Савикова, или «m-lle Комильфо» – по прозвищу институток, – первая ученица, любимица классных дам, усердная и прилежная, помешанная на приличиях. Институтки-одноклассницы недаром прозвали ее «m-lle Комильфо» или «Комильфошкой». Лулу Савикова, искренне считая себя аристократкой, хотя она только дочь небогатого чиновника, постоянно делает замечания подругам по поводу их неумения держать себя.

– *Fi donc*,¹⁴ какие у тебя манеры! Это неприлично! – постоянно повторяет она.

Сама она чопорна, медленна, сдержанна, рассчитывает каждое свое движение и напоминает собой куклу-автомат. Разумеется, и нынче она не пожелала придти босой в одной рубашке в умывальную комнату посмотреть племянницу Стеши и предпочла, сгорая от любопытства, оставаться в постели.

Но зато Валерьянка – Валя Балкашина, удивила всех. Пренебрегая сквозняками и холодом, которые мерещились ей везде и всюду, она появилась в теплых чулках во фланелевой «собственной» юбке в кофте, накинутой поверх казенной сорочки. Заранее волнуясь и нюхая соли, посасывая с меланхолическим видом мятлые лепешки от тошноты (ее всегда тошнило в минуты волнения), она одной из первых притащилась в умывальную, кутаясь поверх всего в теплый байковый платок.

Ровно в одиннадцать часов, словно по команде, бесшумно раскрылась коридорная дверь, и Стеша, держа на руках малютку-племянницу, очутилась среди воспитанниц.

Глаша, ошеломленная встретившим ее бурным восторгом, прижалась к груди своей молоденькой тетки и, закрывшись ручонкой, из-под ладошки разглядывала лица окружающих ее воспитанниц.

– Барышни... Золотенькие... Ради Господа Бога, потише... Не погубите... – шептала Стеша, и ее обычно румяное лицо теперь подернулось заметным налетом бледности. – Поттише, барышни, милые... Услышит Августа Христиановна – будет беда...

– Не услышит, она спит...

– И сладко грезит во сне...

– О старой сосне...

– Ха-ха-ха!

– А Глашенька ваша – душонок. Прелесть, что за мордочка! Неправда ли, *mesdames*?

– Ангел! Прелесть! Восторг!

– Она, пожалуй, не красива, но что-то в ней есть такое...

– Неправда, неправда... Она красавица, лучше Баян и даже Козельской.

– Ну, уж Козельская твоя: сурок, сонный крот и сова... Глашенька же – божество!

А «божество» в это время с аппетитом обсасывала барбарисовую карамельку, предупредительно подsunутую ей кем-то из воспитанниц. Черные глазенки Глаши лукаво поблескивали, а пухлые губки складывались в улыбку.

– Однако ж, *mesdames*, соловья баснями не кормят. «Душка», «восторг», «божество», «прелесть» – это мы говорить можем, а что нам делать с Глашей, этого, оказывается, нам придумать не под силу, – первой возвысила голос Шура Чернова, и сросшиеся брови ее сомкнулись над энергичными глазами.

– Да что придумывать то барышни? Хошь лбом стену пробей, не придумать ничего, – с отчаянием произнесла Стеша – разве только одно: укутаю я потеплее Глашку, отнесу отсюда и оставлю на улице. Авось, добрые люди ее подберут. Все едино – ни в подвал, ни в девичью нам с ней возвращаться нельзя. Я сказала, что увожу ее к знакомым, что берут они у меня девчонку. Стало быть, на улицу и надо ее нести.

– Нет, нет! Что вы говорите, Стеша!.. Это невозможно!.. Это бессердечно и жестоко!.. Я придумала совсем другой исход и, кажется, счастливый и, кажется, хороший... Хотите скажу?

Глаза Баян искрятся. Лицо улыбается всеми своими ямочками.

– Говори же, говори, что придумала, – нетерпеливо шепчут кругом.

– Ах, вы убедитесь, это очень просто... Совсем просто...

Легким прыжком Ника вскакивает на край комода и, сидя «на облучке», говорит, уже пылко, горячо:

¹⁴ Тьфу.

– Вы знаете, конечно, Бисмарка, Ефима; у него есть отдельная комнатка. Она совсем изолирована, туда никто не ходит. Она под лестницей... Я несколько раз заглядывала туда, когда посылала Ефима за покупками. Он очень аккуратный, чистый... И в каморке у него чистота... Он грамотный, читает газеты. Значит, умный, значит, толковый... Недаром же целые поколения институток прозвали его «Бисмарком». У него две слабости: любовь к политике и к детям. Он постоянно зазывает к себе детишек и возится с ними. Что, если попросить его приютить у себя до поры до времени Глашу?.. Потом мы устроим ее как-нибудь иначе, а пока... Кормить и одевать мы ее будем сами; каждый день от обеда и ужина по очереди каждая из нас будет отдавать ей свою порцию, – одна суп, другая жаркого, третья сладкого. На карманные деньги станем покупать ей платица и сладости.

– И лекарства, в случае она заболеет, – вставляет неожиданно Валерьянка.

– Тс! Тс! Не мешай говорить Нике!.. – шикают на нее подруги.

– Ну, лекарств покупать не придется. Мы будем иметь их даром из Валиной аптеки, – острит Золотая рыбка.

И на нее шикают тоже и машут руками.

– Продолжай, Ника, продолжай... – слышится кругом.

– Но все это надо делать, mesdames, под полным, абсолютным сохранением тайны. Чтобы никто не знал, кроме Бисмарка, Стеши и нас. Хранить свято от начальства наш секрет. Сторожу Ефиму мы будем платить за угол... Не знаю, поняли ли вы меня...

– Поняли! Поняли! – послышались сдержанные голоса.

– Вы понимаете, mesdames, Глаша будет как бы «дочь института», наша дочка.

– Да! Да! Да!

Лица институток, оживленные и взволнованные обращены к Нике Баян.

Нет, она положительно маленький гений, эта Ника! Кто подсказал ей этот чудесный план? Каким новым радостным значением благодаря ему наполнится теперь жизнь выпускных, такая серая, такая будничная, обыденная жизнь до этой минуты.

– Mesdames, мы будем всячески заботиться о ней, раз она является нашей маленькой дочкой, – мечтательно говорит «невеста Надсона».

– Да, да. И пусть она называет нас всех мамами, – в тон ей шепчет Хризантема.

– Ну вот еще!.. Тридцать пять мам!.. Есть от чего сойти с ума!.. Я бы хотела лучше быть папой, – выступает с лукавой усмешкой черненький Алеко.

– Ну вот и отлично! Шура Чернова будет папа, а я бабушка! – и, забывшись, шестнадцатилетняя бабушка Ника Баян хлопает в ладоши и хохочет и прыгает на одном месте.

– В таком случае, я буду дедушкой, – бухает Шарадзе и торжествующим взглядом обводит подруг.

– Только не вздумай мучить ее загадками и шарадами. С ума от них можно сойти, – звенит своим стеклянным голосом Золотая рыбка.

– Нет, нет, я предоставлю Хризантеме рассказывать ей о цветах, донне Севилье об Испании, а «невесте Надсона» читать стихи любимого поэта, – покорно соглашается Тамара.

– Нечего сказать, блестящее воспитание получит наша дочка, – смеется Земфира, она же Мари Веселовская. – Mesdames, – прибавляет она, – раз главные роли уже определяются, я предлагаю быть ее теткой.

– И я.

– И я тоже.

– И я, – слышатся голоса, – теток может быть много, это не матери.

– Mesdames, остается свободная вакансия на дядей. Желаящие есть? – самым серьезным образом спрашивает Донна Севилья.

– Нет, нет. Дядя должен быть один – Бисмарк-Ефим. Это его преимущество.

– А захочет ли он еще принять к себе Глашу?

– Ну, вот еще! Как он сможет не захотеть, как он посмеет не захотеть? Ведь мы ему за это платить будем.

– Не то, не то, – и черненький Алеко снова выступает на сцену. – Во-первых, не будем наивны и не станем думать, что облагодетельствуем Ефима предложением взять девочку. Бесспорно, он многим рискует, если примет Глашу. Ведь его могут лишить места за это. Без спроса в сторожке, как и всюду среди этих чопорных стен, не может по селиться ни одна живая душа. Но, правда, и я слышала, что Ефим обожает детей и что у него недавно умерла маленькая внучка в деревне, а потому я убеждена, что он исполнит нашу просьбу – возьмет Глашу.

– Только бы она не болела! Я подарю Ефиму мою аптечку... И научу его, как и по сколько давать Глаше лекарств... – произнесла Валя.

– Ну, пошла-поехала! Этого еще не хватало: здоровую девчушку пичкать валерьянкой и мятой! – зазвучали негодующие голоса.

– Нет, что вы! – внезапно смущается Валя, – я только предложила бы делать химические анализы той пищи, которую будем давать нашей дочке... Надо же знать, сколько белковых веществ входит в нее.

– Душа моя, помолчи лучше, – бесцеремонно обрывает ее Шарадзе, в то время, как все остальные кругом сдержанно смеются.

Несмотря на этот смех и суету, Глаша, единственная причина всех этих горячих споров и переживаемого волнения, умудряется заснуть на руках Стеши. Ее белобрысая головенка приклоняется к плечу девушки, темные ресницы сомкнулись, алый ротик приоткрыт...

– Mesdames, тише: она заснула. Какой душонок! Я сейчас же со Стешей иду к Бисмарку и буду просить, молить и требовать, чтобы он принял нашу Глашу, – взволнованно бросает Баян и мчится в дортуар одеваться.

– И я с тобой, и я, – настаивает шепотом Тамара Тер-Дуярова.

– Прихватите и нас с Земфирой, – просит Алеко.

Чрез минуту, депутация, во главе со Стешей, несущей сонную Глашу, крадется из умывальной, сопровождаемая напутствиями и пожеланиями остающихся. Среди последних возникают новые разговоры, новые горячие споры.

– Глаша, это – невозможное имя, – возмущается поэтичная «невеста Надсона». – Глаша... Глафира... ужас!

– Назовем ее как-нибудь иначе, это ни к чему не обязывает... – предлагает донна Севилья. – Ах, – с пафосом добавляет она, – у русских нет совсем красивых имен. Это не Испания. Если бы ее можно было назвать донной Эльвирой... донной Лаурой, донной Альфонсиной... Как это было бы прекрасно.

– Перестань грешить, Галкина! – неожиданно и сурово обрывает ее Капочка Малиновская. – Католическое имя для русской – это невозможно!

– Ничего тут нет грешного, ей Богу, – хорохорится Ольга, – откуда ты взяла?

– А произносить имя Господа Бога твоего всеу – грех и ересь сугубая, – не унимается Капочка.

– Mesdames, уймите же эту святошу – уже сердится Ольга.

– Простую смертную, грешницу, святошей называть – троякий грех и ересь, – бубнит Малиновская, награждая Галкину уничтожающим взглядом.

– Mesdames, держите меня, а то я, Бог знает, что с ней сделаю! Я не отвечаю за свой испанский темперамент! – внезапно раздражается смехом донна Севилья.

Вдруг Золотая рыбка ударяет себя ладонью по лбу.

– Придумала! Придумала! Это не имя, а прозвище. И какое красивое! Какое подходящее! – звенит ее стеклянный голосок.

– Ну? – срывается у всех одним общим звуком.

– Мы станем называть ее «Тайной». Неправда ли, хорошо? – и красивые глазки девушки вспыхивают и загораются оживлением.

– Лидочка, ты – богиня мудрости, ты – сама Афина Паллада! Дай я тебя поцелую за это!.. – и Муся Сокольская, Хризантема, с поцелуями бросается на грудь подруге.

– «Тайна института». Это и красиво и... и... Удобно. Так и будем называть ее «Тайной», – продолжала развивать свое предложение Золотая рыбка, сама, очевидно, восхищаясь пришедшей ей на ум мыслью.

– Великолепно! Очаровательно! – восклицает Хризантема.

– Тайна! Это адски хорошо!

– Лучше всяких испанских имен, пожалуй, – соглашается и донна Севилья.

– А жаль, – смеется Маша Лихачева, – что не испанское имя мы дали Глаше. Лишим этим возможности нашу донну послать прошение испанскому королю разрешить принять на себя крещение нашей дочки.

– Глупости говоришь, – вспыхивает и смеется Ольга.

– А разве ты не думаешь постоянно об Альфонсе испанском? А? Сознайся. Послала бы ему прошение и подписала бы: «Русско-испанская подданная Донна Севилья Галкина». Не правда ли, хорошо звучит, mesdames?

– Олечкино прошение не было бы принято, – смеются институтки.

– Но почему? Она ведь приложила бы к нему гербовую марку со штемпелем, как следует...

– Mesdames, мы уклоняемся от главной темы. Нравится придуманное прозвище или нет? – и Золотая рыбка обегает оживленным взглядом лица подруг.

– Браво! Браво! Чудесно! Бесподобно! – звучат кругом голоса и сдержанные аплодисменты.

Одна Капочка недовольна, качает головой и шепчет:

– Тайна! Не христианское, а языческое что-то. Грех и ересь.

– Сама-то ты ересь в квадрате, в кубе... – смеется Ольга Галкина.

– Mesdames, вы спать не даете! Адски спать хочется, а вы тут тары-бары... – и неожиданно на пороге умывальной появляется комичная заспанная фигура Неты Козельской, «Спящей красавицы». Ее косы распустились, обычно большие глаза сузились от света, одна щека, отлежанная на подушке, вся в рубцах, пылает, другая нормально бела. – Это просто нелюбезно, mesdames, будить по ночам, – шипит она сердито, – адское свинство.

Нету обступают подруги. Ей поясняют всю суть дела.

Можно ли спать в такую ночь, когда у них появилась маленькая Тайна, крошечная дочка, внучка, племянница, и когда они все сразу стали мамами, бабушками, тетями, дедушками, когда начинается новая жизнь, полная тайны, прелести, очарования...

– Ах, mesdames'очки, как это хорошо! – внезапно оживляется и Нета, и вся ее сонливость исчезает мгновенно. – Только Комильфоске не надо говорить. Наша Савикова терпеть не может детей, рожков, сосок и пеленок.

– Да какие же рожки и пеленки, когда Глаше... то есть, Тайне, скоро исполнится пять лет...

– Ну да, конечно... Только Лулу Савикова и пятилетних детей не терпит.

– Ну так пускай она будет мачехой «Тайны», если так, – сердито решает «невеста Надсона» и декламирует с ней одной свойственным пафосом и увлечением:

Тяжелое детство мне пало на долю;
Из прихоти взятый чужою семьей,
По темным углам я наплакался вволю,
Изведав всю тяжесть подачки людской...

– Тьфу! Тьфу! Тьфу! Пять типунов тебе на язык и вдвое под язык... не пророчь... – замахали на «Невесту» подружки, – с чего ты взяла, что у нашей Тайночки будет тяжелое детство?.. У нее любящий отец, столько теток, бабушка, дедушка, все родство налицо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.